

Александр Семёнов:

«Настоящий музыкант всегда перфекционист...»

В 1996 г. на Успенском подворье монастыря Оптиная Пустынь в Санкт-Петербурге появился профессиональный хор. Его основатель, регент и бессменный художественный руководитель Александр Семёнов в то время заканчивал Петербургскую консерваторию, изучал древнерусские распевы и писал диплом, посвященный их претворению во «Всенощном бдении» С.В. Рахманинова. За 25 лет мужской хор «Оптиная Пустынь» глубоко погрузился в работу по восстановлению древних монастырских распевов, побывал с концертами во всех уголках России, выступил в десятках стран, выпустил 15 сольных альбомов. Однако прежде всего это церковный коллектив, ежедневно принимающий участие в богослужениях на Успенском подворье. В исполнении хора на службах звучат песнопения из Синодальных певческих книг начала XVII столетия, сочинения церковных композиторов, собственные версии церковных распевов. Сложившаяся певческая традиция обладает характерными чертами русской старины и перекликается с многораспевностью, которая возникла в русском богослужебном пении в середине XVII в. и сохранялась до конца Петровской эпохи.

В интервью журналу «Экономические стратегии» Александр Семёнов рассказывает об особенностях управления профессиональным музыкальным коллективом и о задачах, связанных с восстановлением древнерусских певческих традиций.

меня. Если понравившееся мне сочинение написано для смешанного состава, я делаю переложения для своего ансамбля. Как раз в этом году мы введем в концертные программы партитуру молодого композитора Льва Белоглазова — «Молитву пролию ко Господу».

Профессиональное чутье — вещь необходимая, но нужно еще и постоянно развиваться, наблюдая за работой великих коллег. Для меня это не только хоровые, но и симфонические дирижеры: неважно, чем человек дирижирует, главное — чего он хочет добиться, как он это делает и что у него получается. Сегодня мне интересно наблюдать за Джоном Элиотом Гардинером, Густаво Дудамелем, Рене Якобсом, Филиппом Херревеге, Уильямом Кристи. Из молодых мне нравится, как работают *Voces8, The Sixteen, Club for Five, Balthasar Neumann Choir, Netherlands Bach Society*. Может быть, в будущем появится кто-нибудь еще.

В состав Вашего хора входят востребованные артисты, у многих из которых есть успешные сольные проекты. Комфортно ли им выступать в ансамбле?

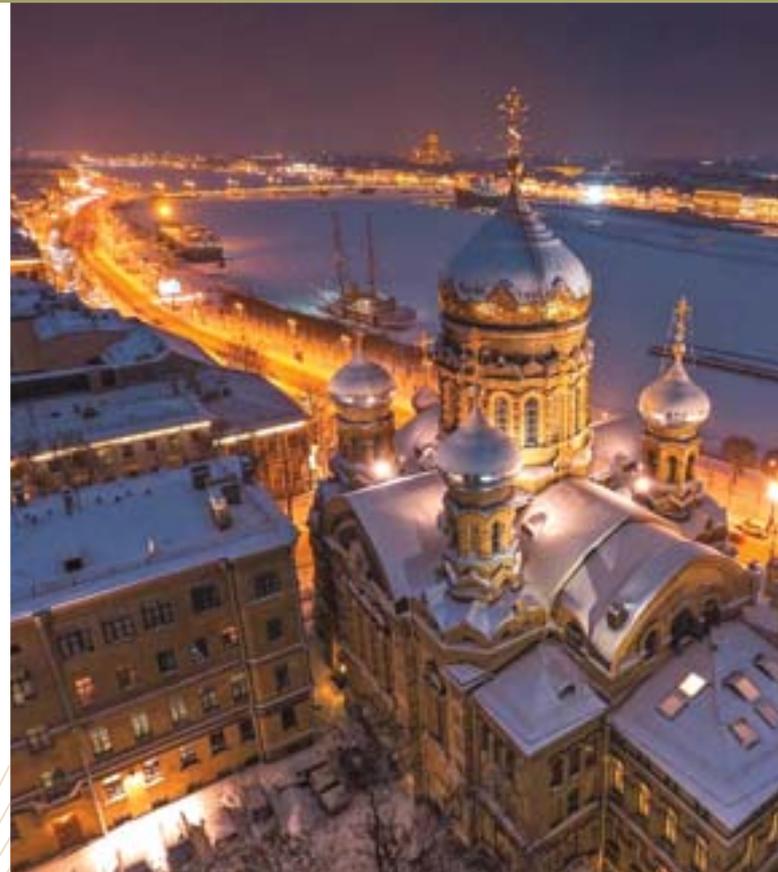
Это правда: из одиннадцати участников коллектива пятеро выступают как солисты в разных проектах в России и за рубежом. Вы не представляе-

В отзывах о посещении Успенского храма на Васильевском острове пение Вашего хора нередко называют украшением служб. Насколько важно качество звучания в богослужебной практике?

Соответствие высоким стандартам качества звучания, заданным нашими предшественниками — светскими и церковными хорами XX века, важно для любого коллектива: как светского, так и церковного. Требования к профессионализму задают и эпоха звукозаписи, и благоприятная конъюнктура концертной жизни. Мы изначально создавали коллектив, который стал бы источником творческой энергии для нас самих и для всех, кто приходит в наш храм. Приятно осознавать, что вот уже на протяжении четверти века мы наполняем храм на Васильевском острове красивым хоровым пением — сложным, профессиональным, стилистически интересным.

На что Вы ориентируетесь при выборе богослужебного и концертного репертуара? Есть ли какие-то незыблемые авторитеты или вся надежда на собственное профессиональное чутье?

Есть классики хоровой музыки, чьи сочинения заслуженно входят в программы многих коллективов, исполняются в храме. Но ограничиваться только классикой не совсем правильно. Поэтому часть нашего репертуара — произведения композиторов, многие из которых значительно моложе

Легко ли вливаются в хор новые люди? Всегда ли остаются? От чего это зависит?

Из сегодняшнего состава двое певчих работают со мной 24 года, а два самых молодых участника присоединились к нам всего полтора года назад: оба в следующем году заканчивают Петербургскую консерваторию. Устроиться в наш коллектив сегодня почти невозможно, тем более удержаться в нем: требования к певчим довольно высокие, причем не только личные, но и профессиональные. Часть певчих ушли по естественным причинам: трое избрали священнический путь, еще четверо в разные годы стали известными солистами-вокалистами. Мы уже давно не расширяем состав: на большинство гастролой выезжаем всемером, реже — вдвоем.

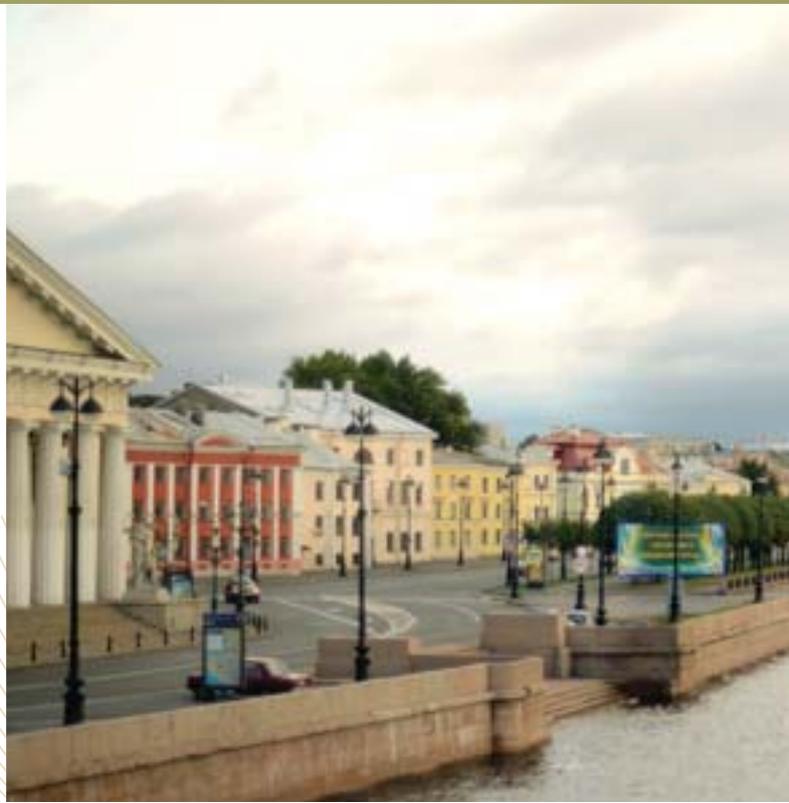
Филипп Херревеге, которого Вы упомянули, утверждает, что хористов следует менять через каждые несколько лет, дабы не превращать творчество в рутину. Вы согласны?

Каждый руководитель выстраивает коллектив посвоему. Кто-то работает как приглашенный дирижер в режиме «три репетиции — концерт». Для этого нужен определенный уровень профессионализма, но такой стиль работы скорее вынужденная мера, оптимизация творческого процесса в крайней его точке. Кто-то, как Филипп Херревеге, набирает музыкантов под каждый проект через концертное агентство и делает каждую новую программу с обновленным коллективом. Это уберегает от необходимости кого-то увольнять и портить отношения. Но записи Херревеге конца девяностых — начала нулевых годов, когда он работал со своим постоянным составом, мне нравятся гораздо больше, чем современные. Есть коллективы, ко-

те, какая мощная энергетика возникает, когда мы собираемся вместе и делаем общее дело! Я получаю огромное удовольствие от человеческого и творческого общения с ними.

Наверное, таким коллективом сложно управлять?

Думаю, аналог нашим взаимоотношениям можно найти в русской истории: это хождения русских купцов «за три моря». Купец или путешественник собирал команду крепких парней и ехал в дальние страны — себя показать и других посмотреть, пообщаться с иными культурами и разными людьми. Мы единомышленники и делаем общее дело. Вместе мы прожили огромный в контексте продолжительности человеческой жизни отрезок — 25 лет, побывали во множестве стран. Нас связывают общие воспоминания, и, что главное, все это время мы занимались искусством, представляя российским и зарубежным слушателям традиционную русскую культуру.

➤ **Профессиональное чутье — вещь необходимая, но нужно еще и постоянно развиваться, наблюдая за работой великих коллег.**

которые приглашают к себе дирижера на концертный сезон — например, Эстонский камерный хор. Мне такой подход не близок, так как максимально художественного результата в такой ситуации добиться сложнее.

Наконец, мы подошли к главному для меня типу дирижеров: к тем, кто выстраивает свою команду. Здесь можно упомянуть хор Монтеверди, ансамбль «Английские барочные солисты» под управлением Джона Элиота Гардинера и *Les Arts Florissants* Уильяма Кристи. В разные годы эти ансамбли имели разные составы и звучали немного по-разному. Но это всегда единая команда, и у них больше всего художественных прорывов. В одном из интервью Уильям Кристи признался, что не верит в коллектив, который играет концерт, проведя менее десятка репетиций. Я с ним абсолютно согласен.

Иначе говоря, Вы предпочитаете работать с постоянным составом?

Я убежден: любой коллектив должен быть заточен под художественный результат. Если кто-то вносит диссонанс в человеческие отношения, мешает коллективу развиваться или же в силу возраста, профессионального выгорания либо еще каких-то причин перестает соответствовать поставленным задачам, его необходимо заменять. В нашем кол-

лективе, как правило, именно возрастные певчие находятся в прекрасной форме, излучают творческую энергию и позитив. Так что молодежи есть на кого равняться и у кого поучиться.

Выходит, Вы ни при каких обстоятельствах не можете поступиться качеством?

Мы чувствуем ответственность перед творцами песнопений — неважно, какого они века, — и перед собой. Я считаю, что каждый человек должен предлагать окружающим лучшее и быть счастлив тем, что у него есть такая возможность.

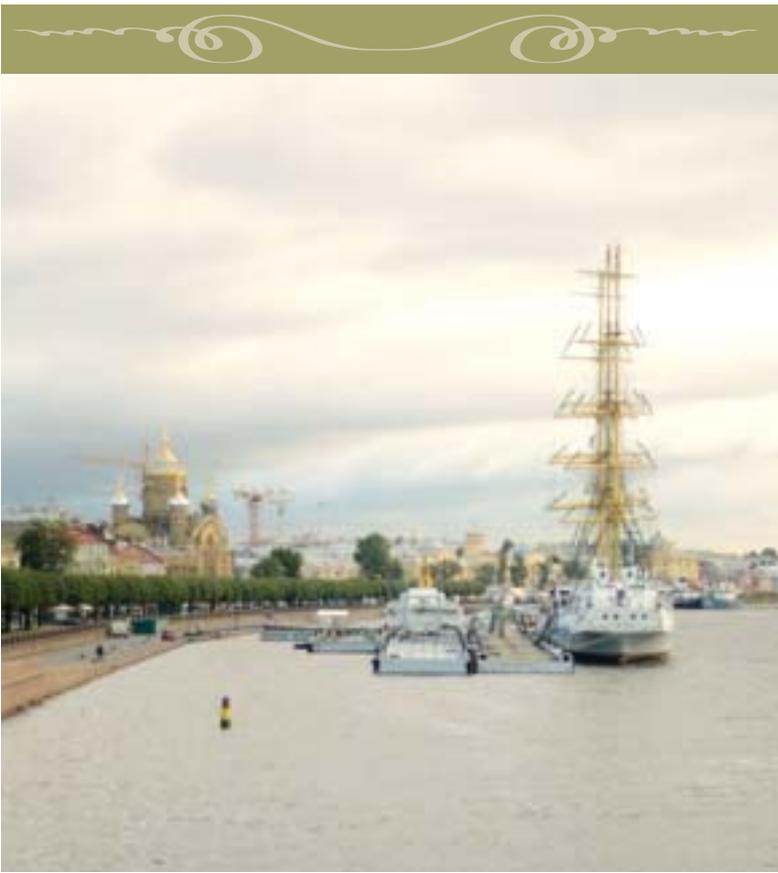
Настоящий музыкант всегда перфекционист. Неважно, дирижер он, инструменталист или вокалист: он будет стремиться к совершенству и проливать кровь за каждую ноту, за каждый пассаж, оттачивая его на репетициях снова и снова. Даже если он очень устал, он просто физически не сможет спеть или сыграть плохо или фальшиво.

Есть ли в храме место творчеству? Ведь богослужебный коллектив ограничен рамками давно устоявшегося канона...

Я абсолютно убежден, что многочисленные церковные архитектурные ансамбли, шедевры изобразительного и музыкального искусства были созданы чрезвычайно талантливыми и профессиональными людьми. До нашего времени сохранилась лишь небольшая часть художественных артефактов, но даже то, что сохранилось, поражает воображение.

Великие древнерусские архитекторы, песнотворцы, иконописцы занимались творчеством, хотя и делали это по заказу Церкви или светских властей. Более того, заказчики нередко соответствовали мастерам или даже превосходили их по художественному уровню. Здесь хочется вспомнить выдающихся церковных иерархов — Нифонта Новгородского, Алексия Московского, Иону Ростовского, которые воплощали в жизнь собственные строительные и художественные программы, вдохновляя мастеров своими идеями и задумками. Инициаторами появления уникальных образцов церковного искусства были и светские правители Руси: князь Владимир, Ярослав Мудрый, Андрей Боголюбский, Всеволод Большое Гнездо, Дмитрий Донской, Иван III, Иван IV, Алексей Михайлович и многие другие. Что характерно, они имели свои духовно-политические программы, нередко не уступая в богословских устремлениях образованным церковным иерархам. Достаточно вспомнить, что Псковский кремль построен по образцу иконы Страшного суда, Владимир строился Андреем Боголюбским как Небесный Иерусалим, Москва создавалась как Третий Рим, а храмовый комплекс Ростова Великого задумывался как Эдемский сад.

Были, несомненно, и периоды упадка, копирования чужих культурных традиций или банальной

➤ Художественные традиции — наш культурный код, который мы вольно или невольно воспроизводим на новом витке развития цивилизации.

стагнации. Но даже в такие времена нередко появлялись выдающиеся произведения церковного искусства. В эпоху засилья итальянской музыки творили Бортнянский и Березовский, создавшие, несмотря на западноевропейскую манеру хорового письма, замечательные образцы русского церковного хорового пения. То же можно сказать и о всеми любимых стилях русского барокко — нарышкинского, строгановского, петровского. Нельзя не вспомнить и расцвет русского хорового пения в конце XIX века, которым мы обязаны Синодальному училищу и его преподавателям, регентам и выпускникам. Так что нередко именно Церковь давала возможность талантливым людям проявить лучшие качества и реализовать творческий потенциал.

На фоне многолетнего глубокого погружения в традиции русской певческой культуры, наверное, можно было стать абсолютным славянофилом. Но репертуар хора «Оптина Пустынь» отнюдь не исчерпывается древнерусскими распевками и произведениями русской классики. Вы воспринимаете русскую культуру не саму по себе, а в общемировом контексте?

Да, конечно. Христианская церковная традиция впитала религиозные и светские традиции народов Средиземноморья, Малой Азии и Европы и затем уже в сформировавшемся виде была принесена на Русь. Именно этому общению и разнообразию древних певческих традиций посвящена наша работа «Пение древней Церкви». В нашем репертуаре есть песнопения строгого стиля полифонии, сочинения Баха, Моцарта, Шуберта, Масканы, Пуленка, современные партитуры европейских композиторов. Но основной наш творческий интерес связан с древнерусскими певческими традициями и богослужебным пением православных церквей. А славянофильство, каким бы вычурным оно сегодня ни казалось, в свое время возникло как ответная реакция на поведение русской аристократии, не желавшей даже общаться на родном языке, и значительной части русской интеллигенции, восторгающейся всем европейским и вечно принижающей достижения родной страны.

Нужна ли какая-то подготовка, чтобы воспринимать репертуар Вашего коллектива — классическую, духовную музыку, древние распевы?

Подготовка всегда обогащает восприятие. То, что одному покажется просто приятной музыкой, перед другим раскроет массу удивительных деталей. Я, к примеру, много читаю об архитектуре. Раньше мне что-то просто нравилось или нет,

а сейчас я понимаю, как это сделано. Всегда интересно заглянуть вглубь каких-либо явлений. «Имя Розы» — хороший фильм, но те, кто читал книги Умберто Эко по средневековой эстетике, смотрят его немного другими глазами. И так во всем. Те, кто изучает древние распевы, на наших концертах расслышат несколько иные вещи, чем слушатели, попавшие на концерт случайно.

Российская и зарубежная публика, наверное, воспринимает ваши выступления по-разному?

Недавно кто-то обратил мое внимание на наши ролики на YouTube: насколько удивительные, светлые лица у российских слушателей, как непосредственны их эмоции. Что касается зарубежных гастролей, то, без сомнения, можно выделить какие-то общие черты в каждой стране, но в целом публика меняется даже от региона к региону. Испания, Франция, Германия абсолютно неоднородны.

Но мы помним главное: нет хорошей публики или плохой. Есть наша публика — те, кто сегодня пришел на наш концерт. Тот факт, что мы в одних и тех же местах выступали много десятков раз, говорит об обратной связи: нас слушали, расслышали и хотят слышать еще. Для меня всегда огромная радость добиться на концерте атмосферы праздника, видеть воодушевление и живую реакцию. Наверное, это самое большое счастье в творческой деятельности.

Когда Вы начинали работу по восстановлению древних русских распевов, этим занимались не многие, тем более профессионально. Сейчас знаменный распев звучит на многих клиросах и в концертных залах, о нем пишутся книги и научные работы. Не боитесь конкуренции?

Знаменный распев — основа русского церковного пения. Его не может быть много: он должен быть постоянно задействован на службе. Другое дело — нюансы. Сколько знаменного распева должно быть на службе, с какими распевками его лучше сочетать, в какой тесситуре петь, в октаву или в унисон, медленно или быстро? Это дело каждого конкретного регента, настоятеля и прихода. Тут не может быть никакой конкуренции, только вклад каждого в общее дело.

Что касается серьезных научных исследований, то, на мой взгляд, специалисты, глубоко погруженные не только в общемузыкальный контекст, но и в несколько разных древних нотаций, разбирающиеся в певческих стилях и особенностях их прочтения, не должны возрождать древнерусское певческое искусство на общественных началах в свое свободное время, как это происходит сейчас. Предстоит объемная работа по возрождению древнерусских певческих стилей. Для ее выполнения необходимо финансовое участие государства, бизнеса и, возможно, Русской Православной Церкви.

Для начала нужно оцифровать певческие рукописи из всех российских библиотечных фондов, создать сводный каталог рукописей и содержащихся в них песнопений, атрибутировать каждую из них по году и месту создания. Затем можно создать общую базу выверенных расшифровок песнопений, записанных древними нотациями. В ней могли бы черпать вдохновение новые поколения молодых дирижеров, регентов и певчих.

Подчеркну, это только начало большой работы. Получив доступ к подобной базе, ученые смогут сопоставить одни и те же песнопения в разных рукописях, определить творческий почерк разных обитателей, сравнить их, вычленив главные черты: возможно, в какое-то десятилетие был творческий всплеск в Троице-Сергиевом монастыре, в другое время — в Иосифо-Волоцком или Кирилло-Белозерском. Так наше знание о древнерусской певческой традиции перейдет на качественно иной уровень.

Однако Вы ставите задачу не только возрождения утраченных традиций, но и полноценного их влечения в современную жизнь. Есть ли у знаменного распева будущее в XXI веке?

Без сомнения. Знаменный распев как явление имеет «родителей»: церковную традицию восточно-христианских народов и русскую народную песню. Христианский символизм в разных странах породил разные формы церковного искусства. Мы без труда определим армянский собор, византийскую базилику или ротонду, никогда не спутаем иконописное письмо разных поместных церквей. Очень трогательно было видеть в Китае современные рождественские открытки с традиционным сюжетом, но с характерным для азиатов разрезом глаз у всех персонажей. Каждый этнос запечатлевал и сегодня продолжает запечатлевать в церковном искусстве характерные особенности своего художественного видения. Знаменный распев — не исключение. Я вполне допускаю, что современному греку он может показаться подобием той самой китайской рождественской открытки, но часть исследователей считает, что он, в отличие от современного греческого церковнопения, сохранил черты старовизантийской певческой традиции.

А взаимодействие с современными технологиями встречается сплошь и рядом: мы даже компьютерные символы называем иконками. Художественные традиции — наш культурный код, который мы вольно или невольно воспроизводим на новом витке развития цивилизации. Тысячи записей церковных распевов разных стран и певческих традиций на *YouTube* набирают миллионы просмотров — это ли не пример взаимодействия современных технологий и традиционного искусства?

✎

ПЭС 21020 / 17.03.2021

